

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»)

УДК 1;101.8, 167.7, 008.2, 316.42, 304.444
№ госрегистрации АААА-А17-117030310071-0
Инв. №

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной
и инновационной работе,
д-р техн. наук, профессор
А.Н. Хатькова
2018 г.

ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

Комплексное исследование культурной безопасности в условиях
глобализирующейся культуры трансграничья (Россия-Китай)

по теме
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ КУЛЬТУРЫ ПРИГРАНИЧЬЯ
(промежуточный)

Начальник НИУ

Кравец 30.01.18
подпись, дата

Е.С. Крапивина

Руководитель темы

Б. 20.01.18
подпись, дата

О.А. Борисенко

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы
канд. филос. наук

Б. 29.01.18 О.А. Борисенко (1.1,3.1, 3.2.)
подпись, дата

Исполнители темы:

Бернюк - 28.01.18 Т.В. Бернюкевич (1.2)
подпись, дата

Жуков - 29.01.18 А.В. Жуков (2.2.)
подпись, дата

Фомина - 28.01.18 М.Н. Фомина (введение, заключение)
подпись, дата

Кондакова - 29.01.18 Н.С. Кондакова (2.1, 2.3,)
подпись, дата

Тарабарко - 29.01.18 К.А. Тарабарко (3.3)
подпись, дата

Сухарев - 29.01.18 Д.В. Сухарев (3.1, 3.2., список
использованных источников)
подпись, дата

Нормоконтролер

Крапивина - 30.01.18 Е.С. Крапивина
подпись, дата

РЕФЕРАТ

Отчет 38 с., 48 источников.

КУЛЬТУРА, КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ТРАНСГРАНИЧЬЕ, КУЛЬТУРА ТРАНСГРАНИЧЬЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ КУЛЬТУРА, ДИАЛОГ КУЛЬТУР, РЕЛИГИОЗНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, РОССИЯ, КИТАЙ.

Объектом исследования является культурная безопасность российского трансграничья

Цель работы – изучение и разработка методологического аппарата исследования проблем культурной безопасности и глобализирующейся культуры, основанного на сравнительном анализе подходов и методов исследования отечественными, зарубежными и китайскими учеными.

Анализ теоретических источников позволил вычлениить доминирующие тенденции в исследованиях отечественных, зарубежных и китайских ученых в сфере культурной безопасности.

В процессе работы проводилось теоретическое исследование, апробирование методологии, анализ эмпирических данных по проблемам культурной безопасности российского трансграничья.

Материалы исследования 1 этапа могут быть использованы как на уровне региональной управленческой практики, так и в образовательных программах вуза.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Культурная безопасность в условиях глобализирующейся культуры трансграничья: теоретико-методологический анализ	8
1.1 Культурная безопасность трансграничья	8
1.2 Рецепции инокультурных идей как фактор становления региональной идентичности в трансграничном пространстве	11
2 Методологические подходы к исследованию факторов культурной безопасности	14
2.1 Религиозная идентичность как условие культурной безопасности	14
2.2 Проблема религиозной безопасности как предмет рефлексии социальной философии и классического религиоведения	16
2.3 Экономическая культура трансграничного региона как условие культурной безопасности	18
3 Теоретико-методологические подходы к интерпретации форм проявления культурной безопасности	22
3.1 Культурная безопасность в условиях современной цивилизации (интерпретация китайских исследований)	22
3.2 Осмысление роли диалога культур в контексте глобальных проблем современности	24
3.3 Реализация мягкой силы культуры Китая в контексте диалога культур	26
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	30
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	34

ВВЕДЕНИЕ

Глобализирующийся мир определяет свои правила и условия существования, т.к. глобализация, как процесс, не только охватывает все уровни жизнесуществования (экономический, политический, социальный, культурный, религиозный и т.п.), но и устанавливает между ними не только взаимосвязь, но и взаимозависимость ее субъектов. Взаимосвязь выражается в формировании не только международных объединений, регионализации форм деятельности, но и в интерпретации исторически сложившихся культурных образований, как, например, китайское христианство.

Но если глобализирующийся мир – понятие абстрактного характера, то его составляющие (глобализирующаяся экономика, глобализирующаяся культура и т.п.) не только отражают реальные процессы, но и формируют, способствуют их развитию, оформляют в конкретные новые образования и обеспечивают условия для их существования в таких формах как безопасность.

Это позволяет сделать акцент на том, что проблемы культурной безопасности полисферичны, так как культура в контексте безопасности трактуется не только как конкретный культурный продукт (материальный или духовный), но и как сфера и как результат деятельности человека. Поэтому, когда мы говорим о культурной безопасности, то в контексте наших размышлений представлены политические, экономические, религиозные и т.д. вопросы и проблемы.

Политический аспект культурной безопасности рассматривается как разрешение геополитических вопросов трансграничья, экономический представлен в контексте китайской регионализации, религиозный - через осмысление универсальности религиозного мировоззрения, что, по мнению некоторых исследователей, может стать одной из причин возможной опасности для общества.

Осмысление культурной безопасности как полисферичного феномена обусловлено тем, что сегодня современный динамичный мир своим быстрым развитием вносит существенные коррективы в научную проблематику, снимает во многом фактор «локальности» и «географичности» явлений. Это и обуславливает расширение рамок трактовки понятия «культурная безопасность».

Политическая, религиозная, экономическая и т.д. деятельность и активность в современном мире уже не может быть представлена без прикладных пространственных образов, которые являются неотъемлемой частью культуры. При этом само осознание пространственности явлений и фактов культуры требует существенной проработки и

философского осмысления. В этом контексте пространственность осмысливается культурой, что порождает процессы присвоения и отчуждения, связанные с когнитивным выделением «пространства в культуре» в форме пространственных понятий и «культуры в пространстве». В силу этих причин культурная безопасность требует специального исследования в контексте всё более усиливающегося влияния глобализационных процессов, особенно в условиях трансграничья.

Вышесказанное актуализирует представленный проект исследования, постановка проблемы которого диктует использование системного, комплексного исследования культурной безопасности. В целом актуальность работы имеет теоретический и практический аспекты. Теоретический аспект заключается в исследовании интерпретаций понятия «культурная безопасность». Практический уровень позволяет проследить последствия трансформационных изменений в пространстве трансграничья, что диктует необходимость постановки вопросов о культурной безопасности.

В ходе исследования использовалась комплексная методология, включающая методы и подходы гуманитарного познания: системный, структурный, социокультурный и др. Доминирующее место занимают системный метод и компаративистский, историко-культурный подходы, которые способствуют осмыслению культурной безопасности.

Новизна разработки темы исследования на данном этапе заключается в том, что комплексное, системное исследование позволило использовать компаративистский подход для анализа исследований культурной безопасности трансграничья в условиях глобализирующейся культуры. В рамках исследования начинает оформляться и новая парадигма научного мышления – трансграничный подход, который является в данном контексте наиболее рациональным при анализе современных процессов в культурном пространстве. Поэтому в рамках этого подхода по-новому осмысливается и роль системного, комплексного анализа всех факторов культурных реалий. Новым является и характер объекта исследования – культурная безопасность трансграничья.

Эмпирическую базу исследования составили культурные процессы в России и в КНР, а так же и аутентичные источники на китайском языке.

Цель работы – изучение и разработка методологического аппарата исследования проблем культурной безопасности и глобализирующейся культуры, основанного на сравнительном анализе подходов и методов исследования отечественными и китайскими учеными.

Данная цель обусловила следующие задачи:

- обосновать необходимость теоретико-методологического анализа культурной безопасности трансграничья;
- раскрыть сущность культурной безопасности трансграничья;
- обосновать природу рецепции инокультурных идей как фактора становления региональной идентичности в трансграничном пространстве;
- охарактеризовать методологические подходы к исследованию факторов культурной безопасности;
- обосновать религиозную безопасность как проявление культурной безопасности;
- раскрыть экономическую культуру трансграничного региона как условие культурной безопасности;
- определить теоретико-методологические подходы к интерпретации культурной безопасности;
- проанализировать на основе китайских исследований природу культурной безопасности в условиях современной цивилизации;
- показать на примере Института Конфуция реализацию программы культурной безопасности Китая;
- обосновать диалог как один из механизмов реализации культурной безопасности.

Результаты исследований отражены в публикациях статей, в материалах Первого философского Конгресса Белорусии, в монографии. Они будут представлены в лекционных модулях дисциплин социальная философия, социальная антропология, в дисциплинах образовательных программ магистратур «Философия культуры», «Социальная безопасность».

1 Культурная безопасность в условиях глобализирующейся культуры трансграничья: теоретико-методологический анализ

1.1 Культурная безопасность трансграничья

Тенденции современного развития общества актуализируют вопросы культурной безопасности. Как сфера национальной безопасности, культурная безопасность предполагает защищенность традиционных ценностей, которые раскрываются через духовные, нравственные, исторические, религиозные основы духовной сферы жизни общества, а также в самобытности и идентичности национальной культуры от внешних и внутренних угроз, которые стремятся разрушить самобытность и исторические корни национальной культуры. Если рассматривать культурную безопасность как условие жизнедеятельности общества, то ее трактовка может быть выражена в сохранении и укреплении его культурного и научного потенциала, что может быть возможным при способности государства решать назревшие задачи политического, экономического и социального.

Идея «безопасность», не является современным образованием, но в условиях глобализации, она начинает получать новое содержание, которое отражает реально существующие процессы от глобальной безопасности, до экономической, культурной, религиозной и т.д. безопасности.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что если подходить к исследованию культурной безопасности с позиций философской рефлексии «идеи», опираясь на теорию В.М. Межуева, то ее суть будет представлена «систематическим единством» и «типологическим различием». Систематическое единство представляет собой осмысление различных направлений (форм) проявления культурной безопасности (от сохранения традиционных культурных ценностей, до становления новой культурной идентификации). А типологическое образование дает возможность осмыслить, сопоставить, сравнить не только проявление культурной безопасности, например, в России и в Китае, но и в рамках международных объединений (например, ШОС), в контексте различных религиозных объединений (например, православие и протестантизм). Таким образом, систематическое единство культурной безопасности – это направленность на ее содержание, а типологическое образование культурной безопасности – это ее форма.

Таким образом, мы подошли к тому, что в ходе данного исследования будет проанализирована форма и содержание культурной безопасности в условиях глобализации. Ограничивая ареал темой исследования, мы делаем акцент на суть культурной безопасности непосредственно в контексте трансграничья. Сегодня трансграничье это не только геополитическое образование, но и сфера взаимодействия, взаимопроникновения, взаимовлияния пограничных культур (культур разных народов и цивилизаций). Поэтому проблема культурной безопасности (в контексте культуры)– это спектр вопросов соотношения традиционной и современной культур, культурной идентичности, культурной самобытности и т.п.

Если рассматривать российские и китайские исследования природы культурной безопасности, то проблема безопасности является для китайских ученых центральной. Через ее осмысление строится как государственная, так и международная политика Китая. При этом стоит заметить, как отмечает Ху Яньли, что именно сфера культуры является доминирующей в решении как государственной, так и международной политики.

Если для Китая решение вопросов культурной безопасности уходит в контекст действия «мягкой силы», благодаря которой будет повышен уровень влияния китайской культуры на мировой арене, то в отечественной трактовке культурная безопасность – это внутренняя сфера национальной безопасности. Поэтому неслучайно, что в последние годы, когда усложнилось геополитическое положение России, культурная безопасность трактуется в контексте угроз (угроза культурной безопасности). Таким образом, уже здесь мы видим специфику, как системного единства, так и типологического образования в теоретическом осмыслении культурной безопасности.

В этом контексте проблема национальной культурной безопасности включает: безопасность языка, обычаев и нравов, ценностей и образа жизни. Язык является наиболее фундаментальным и долговечным компонентом цивилизации, с потерей которого национальная культура теряет свою значимость. Обычаи и традиции нации формируются на протяжении длительного процесса исторического развития, сохраняясь в различных формах проявления даже при утрате языка. Примером являются русские старожилы, населявшие приграничные районы Китая. На этом фоне ценности являются внутренним и глубоким аспектом культуры. Стиль жизни, относясь к шаблонам повседневной жизни в той или иной культуре, от одежды до еды, при любой трансформации, сохраняет в различных элементах свой исторический образ.

Следовательно, главная задача культурной безопасности состоит в том, чтобы гарантировать культурный суверенитет и устранение скрытых культурных угроз. От

эффективной политики власти, зависит уровень культуры и ее сохранность, возможность передачи другому поколению. Признание культуры в Китае как эффективного инструмента «мягкой силы» и современной государственности является примером прагматизма, который характеризует современную китайскую внешнюю политику.

Современная китайская литература по мягкой силе привлекает внимание идеологической направленностью и ярко выраженным акцентом на культуру. Так мы отмечаем, что китайские философы делают акцент на том, что благодаря основам конфуцианства, Китай умело сохраняет позиции в решении международных проблем. Поэтому китайская идентичность характеризуется основами философии Конфуция, и направлена на то, чтобы не только выстроить, но и вести политику вливания новых глобализационных веяний.

Изменения, которые произошли в экономике Китая с 1978 года доказали, что более тесные связи с остальной частью мира и участие в мировом рынке обострили конкурентоспособность Китая. Поэтому Китай, говоря о культурной безопасности, подчеркивает, что не обязательно, закрывать за собой дверь и сказать «нет» остальной части мира. Иногда, намного безопаснее «открыть» эту дверь шире. Поэтому Китай создает новую идентичность, балансируя свои традиции с иностранным влиянием, а историческое наследие с модернизацией.

Как отмечал китайский аналитик Wang Guanqun еще в интервью агентству Цинхуа в 2011 году, когда густонаселенная страна, как Китай, хочет тратить больше ресурсов на культурное развитие, оно не только приносит пользу своему народу, но и создает возможности для иностранных лиц, которые имеют такие качества как понимание, волю и терпение, чтобы участвовать в этом процессе.

В эпоху глобализации, культура стала важной составляющей национальной всеобъемлющей власти. Как пишут Jiang Fengyan, Wu Shuxia, наряду с процессом глобализации, проблемы национальной безопасности культуры встают на один уровень с мягкой силой. Идеология является основой национальной безопасности культуры. По их мнению это обусловлено тем, что в эпоху глобализации культуры, капиталистические страны усилили свое распространение и проникновение идеологии в социалистические страны. Они пропагандируют западную демократию, свободы и права человека. Реклама политической системы, и стиля жизни губит направляющее русло марксизма в области строительства и развития Китая. И как замечают авторы, некоторые люди со слабой волей, даже сталкиваются с кризисом веры. Эти факторы становятся одним из условий формирования политики культурной безопасности в рамках национальной программы.

В процессе глобализации культуры, традиционная китайская культура страдает серьезными проблемами. С одной стороны, реформы открытости, со значительным вводом культурной продукции западных стран и материальных благ. Это способствовало тому, что западные ценности и жизненные отношения распространились среди населения. Традиционная культура Китая, основанная на доброте, верности, манерах, мудрости, разрушается до определенной степени. Как пишет XiaoAnlu у молодого поколения отсутствует нравственность и появилась духовная пустота. После того, как традиционная культура теряет свою независимость и субъективность, она теряет основу для самостоятельного выживания в острой конкуренции. С другой стороны, традиционная культура Китая с глубокими смыслами, как предполагается, строит свою культуру мягкой силы. Это объясняет то, что более чем из 3000 университетов США, только около 800 имеют курс китайского языка. Однако, как пишет Jiabao Wen, в Китае английский язык изучают в начальных школах и даже в детских садах. Это объясняется тем, что китайская культура сохраняет древние особенности, учитывая при этом изменения.

Одним из ярких примеров, политики культурной безопасности, является Институт Конфуция, который ориентирован на миссию защиты национальной культуры через реализацию повышения роли национальной мягкой силы в сфере международного влияния китайской культуры. Институты Конфуция распространялись по всему миру. Конфуцианские учения и принципы с их недвусмысленным акцентом на человечество, образование и гармонию, объединяют этнических китайцев по всему миру и привлекают людей из других стран в Китай.

Поэтому неслучайно, что подъем Китая сопровождается беспокойством со стороны международного сообщества. Пекин осознает необходимость обеспечения его альтернативного восприятия путем устранения напряженности вокруг него.

1.2 Рецепции инокультурных идей как фактор становления региональной идентичности в трансграничном пространстве

Изменения в мире, обусловленные глобализацией и регионализацией, способствуют развитию специфических процессов интеграции субгосударственных регионов и тем самым определяют особенности их развития, связанные с установлением связей с внутренними регионами других стран. Этим определяется формирование трансграничного социокультурного пространства. Трансграничное социокультурное

пространство возникает на стыке нескольких культур и находит выражение в изменении культурных ценностей и особенностях культурной идентичности.

Региональная идентичность в трансграничном пространстве является результатом не только освоения ценностей общенационального, этнического и собственно регионального уровней, но и влияния ценностей культур соседних стран. Происходят социоантропные изменения, связанные с индивидуальной и групповой идентификацией в рамках трансграничного региона как особого типа регионального пространства, которое охватывает взаимодействующие локальные (прежде всего, этнические) культуры, испытывает воздействие со стороны граничащих с ним стран (особенности этого влияния определяются в значительной степени особенностями непосредственно приграничных регионов этих государств) и включено в национальное социокультурное пространство. В России к регионам такого типа относятся Калининградская область, Дальний Восток, Забайкальский край и др. территориальные образования. Спецификой социокультурного трансграничного пространства Забайкальского края является то, что оно является зоной контакта славянской и восточно-азиатской культур, восточной и западной цивилизации. Так, коренным населением Забайкальского края являются эвенки и буряты, более трехсот лет на этой территории проживают пришедшие в связи с освоением Сибири Российской империей русские и представители других российских этнических групп. Культура этого края сегодня – это результат взаимодействия этнических культур, исторически принадлежащих к разным культурно-цивилизационным типам и включенных уже более трех веков в единое российское общенациональное пространство. В то же время в силу геополитических и исторических факторов Забайкалье – это зона непосредственного контакта с монгольской и китайской культурами. Причем китайская культура в настоящее время наиболее активна с точки зрения не только экономического, но и культурного воздействия.

Это позволяет отметить, что региональная культура создается с помощью межпоколенной трансляции культурного опыта, наличной культурной коммуникации, различных процессов социокультурной динамики. Устойчивые особенности черт региональной культуры отражают менталитет этнических сообществ данного региона, сложившийся в процессе их совместного проживания на определенной территории и взаимодействия, систему ценностей, факторы становления региональной культуры.

Таким образом, изучение региональной идентичности в контексте трансграничных процессов актуально как с теоретической, так и с практической точек зрения. Анализ особенностей региональной идентичности в ситуации трансграничного социокультурного

пространства позволяет выявить и описать сложные механизмы формирования типов идентичности в глобализирующемся и регионализирующемся современном мире и тех социоантропных трансформаций, которые связаны с наложением разных видов социокультурных пространств, образующихся путем взаимодействия глобального и локального, мирового и национального, национального и этнического, различных национальных и этнических пространств между собой.

Рассмотрение региональной идентичности в трансграничном пространстве, роли межкультурного взаимодействия в её становлении позволяет актуализировать вопрос о методологических аспектах исследования идентичности. Как известно, к настоящему времени сложились два основных подхода: эссенциалистский (и основанный на нём примордиалистский) и конструктивистский. Исследователи обращают внимание на то, что трансграничное культурное пространство обладает диалектическим континуально-дискретным свойством, проявляющимся на двух уровнях: межэтническом и внутриэтническом. Межэтническое диалектическое континуально-дискретное свойство проявляется: с одной стороны – в целостности (континуальности) культурного пространства, обеспечивающегося культурной диффузией этносов, сопровождающейся ассимиляцией; с другой – в дискретности (прерывистости) культурного пространства, как поиска культурной идентичности этноса, своеобразной реакцией на ассимиляцию.

2 Методологические подходы к исследованию факторов культурной безопасности

2.1. Религиозная идентичность как условие культурной безопасности

В условиях трансформирующегося общества важным для отдельного человека и этноса в целом является идентификация, которая осуществляется на этнической, религиозной и этноконфессиональной основе. Религиозная идентичность можно быть представлена как системное выражение мироощущения человека, квинтэссенция вопросов, которые рождены его «жизненным миром» Именно жизненный мир человека определяется его культурной состоятельностью и ценностной устремленностью. Неслучайно, что в Китае идентификация русского народа осуществляется за счет понятия «русское православие, а для китайцев этим фактором является конфуцианство.

Если говорить о религиозной идентификации, то стоит заметить, что она отличается от этнической, культурной. Приверженцы одной религии даже если они проживают на разных материках, идентифицируют себя в большинстве случаев единообразно (буддист, христианин и т.п.) вне зависимости от страны проживания. Эта общность является хорошим условием для религиозных деятелей. Они без особого труда находят общий язык с людьми в различных уголках мира.

В современном мире к религиозным доктринам обращаются политические и бизнес элиты, так как они являются мощным средством (политической технологией) воздействия на массовое сознание и поведение. Поэтому неслучайно, что не только в условиях современности, но и исторически, религия была и есть мощное орудие социальной, политической, культурной мобилизации. Но она не только элемент духовной практики человека, формирующий его ценности, отвечающий на вопросы бытия, но и действенный инструмент в геополитическом пространстве, в борьбе за ресурсы и территорию.

Обращаясь к работе М.П. Свищева, который анализирует предшествующие исследования еще в 90-е годы XX века, отмечаем, что уже тогда в научной области появился специальный термин, который обозначает взаимодействие и взаимопроникновение геополитики и религии. Это – «геополитическое миссионерство». Его смысл раскрывается в деятельности членов религиозных объединений, которая направлена на стирание политических, географических, общественных и религиозных

границ для реализации одной цели. Ее смысл состоит в приобщении людей к своей вере через распространение ценностей, которые «внесены» в исторически сформированное духовное пространство, трансформируя и модернизируя его. Так начинается экзистенциальная и территориальная экспансия в противостоящие культуры и государства. А это уже вопросы культурной (в частности, религиозной и политической) безопасности.

Неслучайно, направив свою деятельность на формирование китайского христианства, китайские идеологи делают шаг к тому, чтобы не только «китаизировать» протестантизм, имеющий большое влияние на молодежь, но и создать новый тип христианства, который будет, распространяясь в мире, пропагандировать китайские ценности. Неслучайно, распространившийся в России в 90-е годы XX века протестантизм, приобщая к себе последователей, учитывал в проповедях экономическую, социальную нестабильную ситуацию в обществе. И если Китай ищет путь к религиозной безопасности, то Россия пока в тупике, так как исторически сложившееся православие, в отличие от конфуцианства, не является основой жизнеустройства. И понимание, что русское православие – культурная идентификация русских, распространено как на государственном уровне, так и в сознании китайцев.

Обращая внимание на культурную безопасность можно подчеркнуть, что формирование обширной сети религиозных организаций, благотворительных фондов, наряду с изменением мировоззрения является фактором формирования у россиян через религиозные учения и симпатии позитивное отношение к стране, которая направила миссионера. Это, конечно, найдет свое отражение в будущем. А следствием этого становится то, что в бизнесе и политике будет поколение, обладающее религиозной ориентацией, которое далеко от традиционных ценностей. Возможно, что приобщение к новым религиозным ориентирам и станет одной из установок на приоритеты в международном сотрудничестве.

В глобализирующемся мире уже не осталось «чистых» культур, так как каждая этническая культура, находясь в системе межкультурного взаимодействия, не только сама воспринимает, но и проецирует ценности в другие культуры. Поэтому проблема культурной безопасности трансграничья – это проблема сохранения идентичности.

2.2 Проблема религиозной безопасности как предмет рефлексии социальной философии и классического религиоведения

Религиозная безопасность является актуальным предметом исследования, вызывающим интерес у многих авторов, принадлежащих к различным направлениям и школам. Однако в течение длительного времени проблема религиозной безопасности не формулировалась как отдельная тема, при этом ее элементы регулярно озвучивались в связи с выражением той или иной конфессиональной, либо атеистической оценки религии и были связаны с верой их авторов, в то, что источником религиозной угрозы является та религия, которая имеет не божественное, а дьявольское, либо человеческое происхождение, и, следовательно, преследует не божественные, а корыстные, нацеленные на реализацию сиюминутных планов их основателей, задачи.

Одна из первых попыток анализа роли религии в обществе была сделана Ф. Д. Шлейермахером, который будучи одновременно ученым и верующим, старался занять взвешенную позицию. Он подчеркивал, что восприятие религии в социальном воплощении не отражает ее внутренней связи с Богом, так как метафизические идеи не могут быть обоснованы ни с помощью критицизма, ни на почве морали по методу Канта. Кроме этого религия по Ф. Д. Шлейермахеру является совершенно самостоятельной сферой по отношению к разуму. Это означает, что человеческий разум способен воспринимать и описывать религию только в относительных, а не сущностных категориях, что не позволяет однозначно утверждать, представляет ли она собой опасность. Основатель религиоведения отмечал, что сущность религии состоит в осознании зависимости, чувстве единства и терпимости по отношению к различным проявлениям божественного. В то же время отношения между разными религиями характеризуются нетерпимостью, которую Ф. Д. Шлейермахер объясняет вмешательством метафизических идей, ошибочно принимаемых за сущность религии, что дает повод для несогласий, разделений, и приписывания религиям неких качеств, являющихся их субъективными характеристиками в сознании человека.

Влияние религии на развитие человеческой культуры пыталось анализировать особое направление религиоведения, которое выступало с секулярных, светских позиций. Это направление в качестве методологической основы выбрало теорию эволюции, согласно которой Г. Морган, Э. Тайлор, Дж. Фрезер, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс, оценивали религию как социально обусловленное явление, нацеленное на выполнение определенных социальных функций. Аспекты религиозной безопасности в этих работах

оценивались по практическим результатам религиозного воздействия. Так в метафизической концепции К. Маркс с атеистических позиций указывал на опасные последствия воздействия религии. Аналогично к объяснению природы религии подошел З. Фрейд, по мнению которого вред религии заключается в том, что она есть следствие зависимости человека от окружающего мира, что само по себе таит угрозу, заключающуюся в том, что религиозные представления являются опасными иллюзиями.

В отличие от отечественных исследователей, большинство западных исследователей религии долгое время, уделяли внимание конструирующей и интегрирующей функции религии. С одной стороны религия понималась как реальность, обеспечивающая ощущение безопасности для своих последователей, с другой она представлялась как угроза безопасности представителей иных религий и обществ. Среди наиболее влиятельных авторов, изучавших влияние религии на социум, были такие как Б. Малиновский, Э. Дюркгейм, Р.Н. Белла, У. Уорнер, Р. Коллинз, М. Мосс, М. Шелер, В. Лантеранари, К. Леви-Стросс, М. Вебер и др. Они уделяли внимание таким темам, как религия и солидарность, религия и конфликт, религия и социальное измерение, выполняющих функцию обеспечения социальной безопасности и солидарности. Среди представителей психологического направления парадигма светского понимания аспектов религиозной безопасности заложена Дж. Кэмпбеллом, А. ванн Геннепом, К. Юнгом, М. Элиаде, которые строили свои концепции, исходя из убеждения в том, что религия является проявлением компенсаторных механизмов бессознательного и проявляется на уровне религиозного сознания как миф.

Начиная с 60-х гг. XX в. научный дискурс, посвященный проблемам влияния религии на сознание верующих приобрел широкий общественный резонанс и ему стало придаваться большое, в первую очередь политическое значение. Одной из причин этого было обострившееся противостояние между Западом и Востоком, которое сопровождалось интенсивными поисками явных и скрытых врагов, воздействующих на противника не только не только открытыми, но и скрытыми, зачастую мистическими методами. Поэтому вопросы религиозной безопасности как отдельная тема стали широко обсуждаться, начиная с 70-х гг. XX в., когда П. Лазерсфельд, К. Хофланд, Г. Шиллер, М. Маклюэн, Т. Рона, обосновали тему использования информации в качестве оружия, в результате чего был введен термин «информационная война». С этого времени произошло четкое разделение научного и ангажированного религиоведения, описание религии в котором стало подчиняться политическим задачам.

Одной из ведущих проблем дискурса, посвященного религиозной безопасности во второй половине XX в. на Западе является обсуждение сущности новых религиозных движений, противопоставляющихся тем религиям, которые признаются в обществе традиционными, то есть существующим на протяжении длительного времени. Центральным моментом, которого касался дискурс о том, какое место занимает в НРД верующий, является ли он «жертвой» психического насилия, и какое место занимают НРД по отношению к обществу, являются ли они «деструктивными», мироотрицающими религиями, стремящимися к его ликвидации. Версию об использовании новыми религиями специальных методов деструктивного воздействия на сознание распространяли Дж. Кларк, Ф. Конвей, М. Сингер, Дж. Сиглман, Р.Д. Лифтон. Под ним понималось «зомбирование» и духовное закабаление последователей. Особую актуальность этой научной дискуссии придавало то, что в социуме появились антикультовые общественные организации, одну из которых основал Т. Патрик, уверовавший, что последователям НРД «промывают мозги» с целью обращения их против западного мира, и решивший, что после этого их надо обязательно насильственно «депрограммировать».

Таким образом, на Западе дискурс, посвященный религиозной безопасности, в контексте обсуждения опасности, исходящей от новых религиозных движений, оказался подвержен серьезной научной и философской рефлексии, и большинство религиоведов и социологов сегодня расценивают антикультовые группы как предсказуемый вызов движениям, направленным против господствующих ценностей и институтов общества. Однако это вызов, и последующий за ним конфликт такие религиоведы, как Д.М. Келли расценивают не как войну против безжалостных заговорщиков, стремящихся к причинению максимального количества вреда, а как конфликт интересов, в рамках конфессионального пространства.

2.3 Экономическая культура трансграничного региона как условие культурной безопасности

Экономическая культура является важной составляющей в развитии региона, она определяет его настоящее состояние, перспективы и возможности для будущего развития. В экономической культуре региона заложен ее потенциал, те сферы и отрасли, в которых происходит наибольшее развитие. Здесь мы обращаемся к пониманию этого вопроса в трактовке Н.А. Томина, который определяет экономическую культуру как «одну из особых сфер культуры, которая связана с воспроизводством отношений, складывающихся

между людьми в процессе их хозяйственной деятельности». Таким образом, экономическая культура охватывает ценности, нормы, элементы поведения в сфере производства, потребления, распределения и обмена.

В исследованиях Т.И. Заславской экономическая культура представлена в двух аспектах, как личностная и институциональная экономическая культура. К личной экономической культуре относит «ценности, нормы, предпочтения и другие черты сознания субъектов экономики». Так как именно человек выступает носителем экономического сознания, и именно он участвует в производстве, распределении и обмене товаров и услуг. В поведении человека закрепляются ценности определенной культуры, и он реализует традиции, которые усвоил в процессе жизни. В институциональной экономической культуре Т.И. Заславская говорит о «ценностях и нормах, характеризующих не людей, а экономику как безличностную структуру, как совокупность экономических институтов». Отсюда, мы с одной стороны говорим об экономической культуре как составляющей индивидуального сознания, а с другой стороны, как о преобладающем типе экономического поведения в определенном обществе. Безусловно, что экономическая культура не существует отдельно от тех социальных, политических, культурных процессов, которые протекают в обществе.

Таким образом, экономическая культура есть совокупность институционализированных способов деятельности, с помощью которых конкретные общества, группы и индивиды адаптируются к экономическим условиям своего существования. Можно утверждать, что на экономическую культуру региона оказывает большое влияние экономическое сознание и экономическая культура взаимодействующих субъектов. Современный тип экономической культуры или культуры экономического участия предполагает наличие «человека экономического» с его деловитостью, разумным восприятием новшеств и самодисциплиной, с развитой сетью специализированных экономических институтов. Ключевой категорией в членении человеческой истории на этапы, типы общественных систем, как показал известный американский теоретик Толкот Парсонс, является дифференциация - различие ролей, статусов, институтов и организаций, специализированных на выполнении отдельных функций, в том числе и экономических.

Как отмечает М.С. Каган, экономическая культура состоит из поведенческих стереотипов и экономических знаний. Он подчеркивает, что изучая культуру группы, можно понять и объяснить мотивацию поступков и намерений людей. Все, что ни делается индивидом, группой, сообществом на сознательном или подсознательном

уровне, является проявлением интернализированных представлений конкретной культуры и служит основой постоянного обновления и изменения (экстернализации) существующего общества, культуры как продукта человеческой активности. Это объясняется тем, что культура, программируя мышление и поведение людей, является основой сохранения и воспроизводства общества.

Обращение к исследованиям А.И. Арнольдова обусловлено тем, что он отмечает, что традиционно в качестве основных элементов, составляющих культуру, выделяют нормы и ценности. Поэтому, системы приоритетов, имея социокультурную основу, коренятся в историческом прошлом народов и социальных групп и меняются достаточно медленно. Усвоив ценности и нормы, люди выбирают те из них, которые в наибольшей степени позволяют им «вписаться» в систему социально-экономических отношений, сохранить стабильность, добиться своих целей, реализовать свои намерения и планы, при этом не вступая в конфронтацию с теми, от кого зависит их благополучие. По мнению В.М. Межуева, экономическая культура является долговременной, исторически сложившейся, передаваемой из поколения в поколение устойчивой системой социокультурных ценностей, представлений, установок, стандартов и образцов, неписаных законов поведения индивидов и групп в общественной и личной, бытовой практике. В.М. Межуев считает, что экономическая культура человека является частью его общей культуры, его сознания и поведения, связанного с экономическими интересами, потребностями, ценностными ориентациями, предпочтениями, мотивами деятельности в экономической сфере. Она включает в себя также экономические знания, определенный уровень правовой культуры. Конкретным проявлением экономического сознания является реальное экономическое поведение как система мотивированных действий в ситуации выбора. Он определяет, что экономическую культуру личности во многом определяет внешняя социальная и хозяйственная реальность. Это объясняет тем, что установки, ценностные представления и предпочтения тесно связаны с ситуацией, реальностью, в которых они возникают. Таким образом, проявления экономической культуры, с одной стороны, являются отражением социально-экономических условий, с другой – продуктом сознания и поведения, преломленного через интересы и потребности людей.

Мы выделили в структуре экономической культуры такие составляющие как экономическое мышление, экономическая деятельность, ценности и нормы, определяющие эту деятельность, мотивы и потребности организации экономической деятельности. При этом мы учитывали тот факт, что в реальной экономической деятельности все эти компоненты выступают как единая целостность, являясь гранями

рассматриваемого явления. Разделение необходимо лишь для осмысления особенностей каждого из компонентов. С точки зрения В.М. Межуева, экономическая культура всегда существует в определенных пространственных и конкретно-исторических условиях. Поэтому она испытывает воздействие и со стороны пространственных факторов (количественных и качественных), а также и со стороны факторов временных – тот или иной период исторического развития данной хозяйственной культуры, этап воздействия на нее иных культур. Поэтому говоря о трансграничном регионе, мы понимаем, что в данном случае идет пересечение и наложение разных культур. Развитие в данном случае идет при постоянном взаимодействии нескольких сторон, при этом взаимодействие без взаимовлияния практически невозможно.

3 Теоретико-методологические подходы к интерпретации форм проявления культурной безопасности

3.1 Культурная безопасность в условиях современной цивилизации (интерпретация китайских исследований)

В зависимости от трактовки китайскими исследователями понятий «культура» и «безопасность» определения «культурной безопасности» будут различаться. С точки зрения культуры этот термин предполагает сохранение или защиту наследия и ценностей группы, сообщества или нации, а в целом и цивилизации. С точки зрения безопасности он будет означать значимость культуры для национальной, региональной или международной безопасности.

Большинство авторов согласились, что культурная безопасность означает, но не ограничивается, свободу мысли, совести, языка, образа жизни, этнической принадлежности, религии и обычаев. Культурная безопасность – это способность общества сохраняться в его существенном характере в изменяющихся условиях и возможных или реальных угрозах. Это также связано с охраной культурных ценностей (материальных и нематериальных).

Очевидно, что культурная безопасность имеет несколько проявлений – как описано выше, она может проявляться в форме угроз местному достоянию, целенаправленного уничтожения культуры и защиты культуры в зонах конфликта. Угрозы являются фундаментальной категорией в анализе безопасности, в дополнение к вызовам и рискам. Они могут быть потенциальными или реальными, объективными или субъективными, внешними или внутренними, традиционными или нетрадиционными, преднамеренными или непреднамеренными.

С одной стороны, культурная безопасность может быть определена, как отсутствие угрозы культуре в широком смысле, а с другой – как совокупность действий, целью которых является создание условий, способных к развитию и эволюции культуры. Таким образом, культура должна обладать гарантированной способностью защищать себя и адаптироваться к объективным изменениям, сохраняя при этом свой специфический характер.

Необходимо остановиться на том, что в китайских исследованиях, культура – это объединяющий фактор, связывающий все несоизмеримые элементы (язык, письменность,

общие традиции, историю, национальные герои). Проблемы безопасности возникают в момент кризиса, на стыке противоречий. Задача культурной безопасности, состоит в том, что бы не допустить кризис цивилизаций. Культура, является основой для процесса культурного взаимодействия и укрепления духовного стержня. Диалог всегда был ценным качеством человечества, а диалог культур стал той платформой, которая является главной глобальной стратегической задачей. Сила его в том, что участники представлены на равных позициях. Диалог стал новым ключевым понятием для осмысления процессов взаимодействия сторон в различных сферах жизни, в том числе и в политике.

Рассматривая российские и китайские исследования по культурной безопасности, можно выявить что проблема безопасности это центральная точка в работах китайских ученых. Через нее строится государственная, а так же в целом вся международная политика Китая. При этом Ху Яньли, говорит, что именно сфера культуры является доминирующей в решении как государственной, так и международной политики. Согласно установке Пленума ЦК КПК 17 созыва, реформы в культурной системе содействуют культурному социалистическому развитию и процветанию культурной безопасности в целом. Политические действия, предпринимаемые государствами в целях обеспечения культурной безопасности, в значительной степени являются ответом на инициативы, поддерживаемые международными организациями, правительственными и неправительственными.

Безопасность может быть гарантирована только посредством сочетания нормативных и политических шагов. Правовые нормы, вытекающие из международного права, определяют пути, определяют правила и нормы и устанавливают правила, которые, в свою очередь, создают определенные стандарты поведения и в то же время определяют основные направления развития внутреннего права.

Как отмечает Ян Пен, китайская цивилизация имеет важные ориентиры для мирового развития. Поэтому в ожесточенной конкуренции глобализации и культуры она стремится к разработке китайских традиций, как надежного источника культуры. На этом фоне популяризация идей гармонии, обращение к китайскому языку обретает глубокий смысл в китайской культуре, к которой с интересом обращаются иностранцы. Следовательно, внедрение и распространение китайской цивилизации и культуры становится возможным через создание Института Конфуция, который развивает культурную дипломатию. Таким образом, в Китае решение вопросов культурной безопасности рассматривается в аспекте «мягкой силы», благодаря чему, повышается уровень влияния китайской культуры на мировой арене.

В отечественной трактовке, внутренняя сфера национальной безопасности – это культурная безопасность. Поэтому главная задача культурной безопасности состоит в том, чтобы гарантировать культурный суверенитет и способствовать устранению скрытых культурных угроз.

В китайской трактовке от эффективной политики власти, зависит уровень культуры и ее сохранность, возможность передачи другому поколению. Так, министр культуры Китая Цай У отмечал, что Китай избрал путь мирного развития, пытаясь таким образом сформировать гармоничное общество внутри страны и гармоничный мир вне её. Китайская культура сохраняет древние особенности учитывая при этом изменения. Китайские аналитики Цзян Фен и Ву Шисиа, говоря об эпохе глобализации, отмечают, что культура стала важной составляющей частью национальной всеобъемлющей власти. Поэтому неслучайно, что наряду с процессом глобализации, проблемы национальной безопасности культуры рассматриваются на одном уровне с мягкой силой.

Один из вариантов формирования национальной безопасности через реализацию политики мягкой силы, китайские исследователи видят в укреплении программы развития культурной индустрии. Так, например, Ли Ситцу отмечает, что, прежде всего, необходимо продвигать инновации системы управления культурой и поддерживать рост предприятий культурной политики. Следуя основным законам рыночной конкуренции, культура должна проявлять свое неповторимое обаяние и способствовать формированию и развитию индустрии.

Анализируя публикации, отмечаем, что подъем Китая сопровождается беспокойством со стороны международного сообщества. На этом фоне Пекин осознает необходимость обеспечения альтернативного восприятия его развития путем устранения напряженности вокруг себя. Поэтому культура и была определена в качестве одного из основных инструментов для передачи информации о мирном развитии и гармоничном сосуществовании, что является доминирующим показателем в формировании стратегии культурной безопасности в Китае.

3.2 Осмысление роли диалога культур в контексте глобальных проблем современности

Проблема диалога – составная часть философской культуры прошлого и актуализируется сегодня. Внимание к ней возрастает в современных условиях, поскольку смена тысячелетий влечет за собой изменение мировоззрения. Содержание и формы

диалога зависят от тенденций трансформации духовного облика его участников, обусловленных в конечном счете осознанием ими смысла и основополагающих доминант российских и общемировых социальных процессов.

Диалог стал новым ключевым понятием для осмысления процессов взаимодействия сторон в различных сферах жизни, в том числе и в политике. Неслучайно в международной практике появились межгосударственные организации, деятельность которых связана с диалогом в различных областях. Появлению новых международных общественных организаций, ориентированных на диалог, способствуют как глобализация, так и проблемы на фоне современной международной картины мира. Если с глобализацией связаны гражданское общество, права и свободы, рыночные отношения, то международная карта представляет собой достаточно серьезное явление.

Сегодня диалог является тем способом разрешения глобальных проблем, который не только показывает путь отказа от конфронтации, но и подтверждает целесообразность решения вопросов мирного сосуществования разных культур и цивилизаций, представляя собой такую систему ценностей.

Поэтому не случайно, что понятие «диалог культур» сегодня имеет широкий смысл, включающий в себя не только диалог культурных ценностей, вырабатываемых различными культурами, но и диалог как форму взаимодействия и взаимопонимания народов в глобализационном пространстве, где пересекаются границы политических, экономических и культурных интересов, что приводит к взаимопроникновению жизненных стандартов и ценностных ориентаций самых разных народов.

В условиях глобализации диалог культур принимает на себя миссию парламентария, которая не только должна способствовать урегулированию, но и формированию новых отношений, в частности, международных. Это обусловлено тем, что только диалог культур, построенный на взаимопонимании разных культур, способен формировать уважение к ценностям других народов. Поэтому, это не только диалог с традиционной культурой, как чаще всего воспринимается это на уровне общественного сознания, это - и путь понимания ценностей других культур, благодаря чему сфера диалога культур воплотила в себе принципы слияния-единства-различия, которые были реализованы как «достижение взаимопонимания», «личностные отношения», «субъект-объектное взаимопонимание», «союз», «взаимная признательность», «понимание другого».

3.3 Реализация мягкой силы культуры Китая в контексте диалога культур

Реализация мягкой силы культуры Китая на уровне международной среды осуществляется в рамках национальной культурной стратегии КНР, специфика которой определяется, в том числе, особенностями взаимодействия культур в условиях глобализации.

Становление современного глобального культурного пространства ещё в конце 80-х гг. XX в. прогнозировал В.С. Библер, а В.С. Стёпин отмечал, что глобализация открывает новые перспективы для взаимодействия культур. В этом случае, диалог культур открывает границы взаимовлияния, где особенности каждой из культур признаются равными по отношению к друг другу. Это создает условие для взаимопонимания, что сглаживает проблемы конфликта. Представляется, что современная культурная стратегия Китая на уровне международной среды реализуется посредством выстраивания диалога культур, предполагающего улучшение взаимопонимания между странами. Одним из инструментов этой стратегии стала мягкая сила культуры Китая, которая как новая коммуникативная стратегия, на наш взгляд, выполняет транслирующе-трансформационную функцию. Транслирующая функция проявляется в стремлении КНР повысить привлекательность ценностей китайской культуры, образа жизни и понимание культуры Китая в мире. Трансформационная направлена на позиционирование имиджа «могущественной культурной державы», распространение ценностей «гармоничного мира» как ресурса цивилизационного развития.

Другими словами, современная культурная стратегия КНР на международном уровне выстроена в традиционном прагматическом русле и сводится к стремлению в перспективе расширить культурное присутствие КНР в мире. Во внешних практиках реализации мягкой силы культуры КНР выстраивает свою стратегию с позиций мультикультурализма (по А.Я. Флиеру) и диалога культур (по В.С. Стёпину). Под руководством Дэн Сяопина произошло качественное обновление внешней концепции КНР: поворот к прагматическому выстраиванию международных связей. Смена курса была закреплена на XII съезде КПК (1982 г.) и предусматривала диверсификацию взаимодействия с другими странами. С этого момента начинается принципиально новый этап взаимоотношений Китая с миром. По мнению авторов коллективной монографии «Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу» Китай целенаправленно стал использовать культуру в качестве инструмента внешней политики. Обновлённая

концепция внешней культурной стратегии Китая – построение «гармоничного мира» была представлена председателем КНР в апреле 2005 г. в Джакарте на саммите Азия-Африка.

Идеи «гармоничного мира», по мнению китайских учёных, привлекательны для многих стран, поскольку противопоставлены американскому курсу однополярности и содержат призыв создания общемирового единого пространства с сохранением многообразия культур. Западная философия, согласно принципа объективности, рассматривает мир через призму «мы и чужие», тогда как традиционная восточная философия рассматривает мироустройство с точки зрения формулы «мы и другие», т.е. согласно принципу субъективности.

Концептуальное содержание концепции построения «гармоничного мира», представлено пятью основными принципами. Один из которых – культурный: создание условий для увеличения культурных обменов, уважение культурного разнообразия. Содержание концепции было представлено в докладе Председателя КНР Ху Цзиньтао: обратиться к своему культурному прошлому: к мудрости предков. В частности, к идеям Конфуция, в которых подчёркивается необходимость гостеприимства и терпимости.

Директором Института по изучению России и Украины Государственного Уханьского университета профессором Лю Цзайци была сформулирована глобальная цель, которую КНР достигла с помощью концепции «гармоничного мира». По его мнению, Китай впервые выступил в качестве представителя общих интересов мира. В результате утверждается статус Китая как субъекта идеологии мирового развития.

О важности современной культурной стратегии свидетельствует и тот факт, что с начала XX в. усиление культурной составляющей КНР тесно увязывается с обеспечением национальной безопасности государства. На этом фоне ценности цивилизационной культуры Китая используются не только как инструмент сохранения национальной идентичности и безопасности, но и как внешней информационной экспансии.

Одним из самых эффективных проводников мягкой силы культуры КНР во внешний мир, безусловно, являются международные научно-образовательные проекты. Помимо продуманной внутренней образовательной политики, представленной различными проектами («Программа 211», «Программа 985», возрождение традиционных китайских академий, создание сети «мозговых центров» и т.д.), образовательный вектор, как проводник мягкой силы культуры, направлен и во внешний мир, где представлен различными практиками.

Быстрый рост экономической и военной мощи КНР вызвал опасения мирового сообщества перед возможной «китайской угрозой», причём в последние годы эти

опасения распространились и на другие сферы безопасности, в том числе энергетическую, экологическую, продовольственную (например, рост цен на зерно на мировом рынке объясняется, в частности, его возросшим потреблением в Китае и др.). В настоящее время именно на китайские МЦ, которые активно участвуют в международном сотрудничестве, руководство страны возложило задачу противостояния иностранным информационным атакам, наносящим ущерб имиджу Китая. По мнению китайских исследователей, МЦ КНР должны содействовать совершенствованию мягкой силы культуры, т.е. «жизнестойкости политического и экономического строя и внешнеполитической системы страны», которая в современном мире имеет не меньшее значение, чем в былые времена экономическая или военная мощь. Для этого МЦ призваны активно пропагандировать «китайскую модель развития», особенно в развивающихся странах, как это делают крупнейшие аналитические центры США.

Специфической практикой реализации мягкой силы культуры Китая в международной среде также является возрождение традиционных китайских академий «Шюань». Они содержат внушительные ресурсы увеличения мягкой силы культуры Китая не только на внутригосударственном уровне, но и в мире.

Усилия официального Пекина по популяризации китайского языка реализуются, в первую очередь, через международные культурно-языковые проекты. В их работе задействованы организации, осуществляющие свою деятельность непосредственно на территории иностранных государств. Созданные в рамках таких проектов организации, целенаправленно работают «на внешний вектор», транслируя китайскую идентичность вовне. Среди подобных проектов необходимо выделить наиболее масштабные: проект по созданию сети Институтов и Классов Конфуция и его продолжение – проект международного конкурса на знание китайского языка как иностранного «Мост китайского языка». Первый Институт Конфуция был открыт в ноябре 2004 г. в южнокорейском Сеуле, который традиционно рассматривают как один из центров конфуцианской культуры. В этом же году были подписаны соглашения о создании Институтов Конфуция с Университетом Мэриленд (США) и Стокгольмским университетом (Швеция). С этого момента начинается последовательная масштабная работа по созданию Институтов по всему миру.

Принимая во внимание прагматичность китайского менталитета становится понятно, почему именно школьникам уделяется столь пристальное внимание. Китай делает ставку на будущие поколения, надеясь переломить современную тенденцию настороженного или откровенно негативного отношения к КНР.

Несомненно, инновационной практикой мягкой силы культуры Китая является создание национальных культурных брендов международного уровня. Так, Т.Н. Кучинская подчёркивает, что набор региональных культурных образов в структуре регионального культурного бренда представляет культурно-цивилизационную специфику страны в ее максимальной полноте и целостности. Один из ведущих учёных Китая, профессор, директор Исследовательского центра в области мягкой силы культуры Китая Чжан Гоцзо замечает в этой связи, что Китаю необходимо придавать большое значение формированию международного имиджа КНР, поскольку он является мягкой силой китайской культуры.

Анализ китайских источников по теме показал, что практическая деятельность по созданию и презентации брендов китайской культуры разнообразна. Совокупность разработанных культурных брендов транслирует ценности культуры Китая вовне во всём её многообразии.

Определённую лепту в популяризацию культуры Китая вносит и международный туризм. Косвенным свидетельством успехов КНР в применении мягких инструментов влияния является ежегодный прирост количества туристов.

Таким образом, на основе анализа к внешним практикам мягкой силы культуры Китая отнесены: международные научно-образовательные и культурно-языковые проекты, издательская деятельность, теле-радио проекты и развитие международных культурных брендов Китая. Обозначенные практики как часть внешней культурной стратегии направлены на построение «могущественного культурного государства» и расширение его культурного присутствия в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико-методологический анализ культурной безопасности в условиях глобализирующейся культуры приграничья дал следующие результаты:

1) на основе изучения теоретического материала была произведена разработка методологического аппарата исследования проблем культурной безопасности и глобализирующейся культуры, основанного на сравнительном анализе подходов и методов исследования отечественными, зарубежными и китайскими учеными.

2) анализ теоретических источников позволил вычлнить доминирующие тенденции в исследованиях отечественных, зарубежных и китайских ученых в сфере культурной безопасности.

В процессе разработки методологического аппарата были конкретизированы в контексте темы исследования следующие понятия: трансгранижье, транграничное пространство, глобализирующееся трансгранижье, глобализирующаяся культура трансграничья, культурная безопасность трансграничья, экономическая культура как условие культурной безопасности, религиозная безопасность как уровень культурной безопасности, «мягкая сила» как форма проявления культурной безопасности, культурный диалог как форма реализации культурной безопасности, культурная безопасность как форма выражения национальной безопасности.

Обращение к диалогу культур в процессе исследования культурной безопасности было обусловлено тем, что он представляет один из реальных путей не только консолидации международных интересов, но и обеспечения культурной безопасности.

В ходе исследования пришли к выводу, что обращение к проблемам идентичности является одним из доминирующих направлений, так как идентичность становится условием реализации положений культурной безопасности.

Было отмечено, что в процессе работы в рамках темы исследования наиболее продуктивными являются следующие методы и подходы исследования: компаративистский, социокультурный, историко-сравнительный, социорелигиоведческий, феноменологический.

В ходе анализа теоретических источников (работы отечественных, зарубежных, китайских авторов) были определены следующие доминирующие тенденции в исследованиях сфер культурной безопасности. В отечественной практике анализ культурной безопасности представлен в контексте, как национальной политики, так и национальной безопасности. Это обусловлено тем, что, в целом, проблема культурной

безопасности в отечественной практике представлена на основе сохранения памятников истории (внутренний уровень) и на основе распространения духовных ценностей. Проблема культурной безопасности в условиях трансграничья в российских работах практически не поднимается. В китайской практике проблема сохранения культуры - это уже проблема культурной безопасности, которая решена может быть при помощи централизованной внутренней политики. Но культурная безопасность в Китае это не только внутренняя проблема, это проблема внешняя, которая может быть решена, решается при помощи мягкой силы культуры Китая. Это обусловлено тем, что, во-первых, распространение культуры Китая за пределы Поднебесной, это уже решение многих вопросов культурной безопасности. А, во-вторых, культурная безопасность на внешнем уровне есть условие для разрешения проблем культурной безопасности внутри государства. Тем самым анализ источников на китайском языке позволил определить тот спектр проблем, который еще не имеет теоретического осмысления в российской теоретической мысли.

В ходе научных командировок в г. Хабрин (КНР), в г. Москва, (ИДВ РАН) был накоплен эмпирический материал; некоторые источники на китайском языке впервые были представлены в научный российский оборот.

В результате работы на первом этапе было достигнуто:

защита:

- кандидатской диссертации по научной специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры Тарабарко К.А. «Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации» (сентябрь 2017 г.);

- магистерской диссертации Сухаревым Д.В. «Китайский регионализм как фактор модернизации Азиатской России (case study для Забайкальского края)» (июнь 2017 г.);

публикация:

монографии:

Китайский регионализм как фактор модернизации: монография / Д.В. Сухарев, М.Н. Фомина, О.А. Борисенко, Т.В. Бернюкевич, Н.С. Кондакова. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. – 82 с.

в журналах, индексируемых Scopus:

«Cultural security of the transboundary in a globalizing world: a theoretical and methodological analysis» /Borisenko O., Kondakova N., Fomina M. // European Research Studies Journal: Vol XX 2017 special issue:

http://www.ersj.eu/index.php?option=com_content&task=view&id=150&Itemid=155

в журналах, индексируемых W of S:

The Problem of Religious Security as a Subject of the Reflection of Social Philosophy and Classical Religious Studies /Zhukov Artem, Bernyukevich Tatiana, Romanenko, Tatiana // CURRENT SCIENCE, VOL. 112, NO. 12, 25 JUNE 2017, p. 2449-2457
<http://currentscience.co.in/archive/search>

[/result?title=THE+PROBLEM+OF+RELIGIOUS+SECURITY+AS+A+SUBJECT+OF+THE+REFLECTION+OF+SOCIAL+PHILOSOPHY+AND+CLASSICAL+RELIGIOUS](http://currentscience.co.in/archive/search/result?title=THE+PROBLEM+OF+RELIGIOUS+SECURITY+AS+A+SUBJECT+OF+THE+REFLECTION+OF+SOCIAL+PHILOSOPHY+AND+CLASSICAL+RELIGIOUS)

в журналах из списка ВАК:

Диалог культур в контексте философской компаративистики // Борисенко О., Воронченко Т., Фомина М. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 4-х ч. Ч. 3. С. 202-204

в журналах, индексируемых в РИНЦ:

Институт Конфуция и культурная безопасность Китая / Борисенко О.А.// Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; под общ. ред. Н. Д. Субботиной ; пер. О. А. Борисенко. – Чита : ЗабГУ, 2017. – С.110-115.

Культурная безопасность в условиях современной цивилизации (интерпретация китайских исследований) / Борисенко О.А.// Гуманитарные научные исследования. 2017. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/07/24298>

в зарубежных изданиях:

Диалог в контексте глобальных проблем современности/ Борисенко О.А. //Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С.490-491

Онтологичность диалога культур / М. Н. Фомина // Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 553

Провинциальный человек в глобальной культуре / Н. С. Кондакова // Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С.511

К вопросу о механизмах взаимодействия культур в глобализирующихся обществах / Т. В. Бернюкевич, Е. Ю. Захарова. // Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 486

Китайский регионализм в контексте глобализации / М. Н. Фомина, Д. В. Сухарев // Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 473

Новизна полученных результатов состоит в том, что представленное комплексное, системное исследование позволило использовать компаративистский подход для анализа культур трансграничья в условиях глобализирующейся культуры. В рамках исследования начинает оформляться и новая парадигма научного мышления - трансграничный подход, который является в данном контексте наиболее рациональным при анализе современных процессов в культурном пространстве. Поэтому в рамках этого подхода по-новому осмысливается и роль системного, комплексного анализа всех факторов культурных реалий проблемы безопасности.

Полученные результаты могут быть использованы в следующих областях наук: социальная философия, регионоведение, история, психология, культурология, социология, этнология и этнография, религиоведение, теория межкультурных коммуникаций.

Результаты НИР могут быть востребованы в практической деятельности управленческой системы Забайкальского края при выработке региональной политики в культурной сфере. Материалы могут быть полезны при разработке учебных дисциплин соответствующего профиля, при подготовке методических рекомендаций и учебных пособий. Они могут быть использованы и при выработке практико-ориентированных рекомендаций для общественных и государственных организаций, занимающихся вопросами государственного регулирования в духовно-культурологической сфере.

Полученные результаты внедрены в образовательный процесс в Забайкальском государственном университете в учебных дисциплинах: социальная философия, социальная антропология; в учебных дисциплинах образовательной программы магистратуры «Философия культуры», магистратуры «Социальная безопасность».

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. – М. : Вост. книга, 2010. – 240 с.
2. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Трансграничный регионализм Забайкальского края в расширяющемся китайском социокультурном пространстве // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 4. С. 85-91
3. Абрамова Н. А., Кучинская Т. Н. «Китайский регион» в политическом измерении. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 175 с.
4. Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Чита, изд. ЗабГУ, 2016 – 241 с.
5. Арнольдов А.И. Человек и мир культуры. / А.И. Арнольдов. – Москва: Наука, 1992. – 240 с.
6. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2004. № 4. – С.27-34
7. Бернюкевич Т.В. Взаимодействие культур: формы и механизмы: учеб.пособие: Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 140 с.
8. Борисенко О.А., Сухарев Д.В., Фомина М.Н. Содержание понятия «экономическая модернизация» в работах российских, западных и китайских ученых. - Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 1 (52). С. 54-61.
9. Воскресенский А.Д. Социальные порядки и политический анализ региональных процессов / Сравнительная политика. № 1. 2012 – М. МГИМО (У) - С.96-109.
10. Гельбрас В.И. Китай: «мягкая» или «жесткая посадка» // РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВ: Материалы 2-й международной научно-практической конференции. отв. ред. Д.В. Буюров. 2012. С. 173-182.
11. Доклады ИДВ РАН – 2012. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 168 с.
12. Евтушенко Т.А. Идея «гармоничного мира» в решении проблем трансграничного сотрудничества Забайкальского края с регионами КНР / Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного Центра. Вып.12. – Чита, ЗабГУ, 2012. – С.95-101.

13. Игнатъева Н. Г. Формирование экономической культуры у студентов педвуза как компонента их профессиональной компетентности: автореф. дисс. ...канд. пед. наук: 13.00.08. / Н.Г. Игнатъева. – Йошкар-Ола, 2007. – 20 с.
14. Каган М.С. Философия культуры. / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 304 с.
15. Кузьминых А.П. Политика приграничного сотрудничества как способ реализации национальных интересов Российской Федерации (на примере Читинской области). Автореферат дисс. на соискание уч.ст. к-та полит.наук. – Чита, 2007. – 26 с.
16. Кучинская Т.Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая: уроки для России // Вестник ЧитГУ. № 1 (68). 2011. – С. 27-33
17. Кучинская Т.Н., Сухарев Д.В. Китайские ученые о «новом регионализме» (например работ Лиу Сичжуна) // Современный взгляд на будущее науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (25 мая 2016 г., г. Томск). В 5 ч. Ч.5. – Томск: АЭТЕРНА, 2016 – С.57-61
18. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов Евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. № 12. Т.60. 2016 – С.69-81
19. Межуев В.М. Между прошлым и будущим. / В.М. Межуев. – Москва: ИНФРА, 1996. – 150 с.
20. Научно-образовательное и культурное сотрудничество стран-участниц ШОС: XII Международная научно-практическая конференция: сборник статей. Часть I. – Чита: изд. ЗабГУ, 2014. – 223 с.
21. Новиков А.Н., Сундуева Д.Б., Бернюкевич Т.В., Гомбоева М.И. Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2013. № 4 (51). С. 259-271. – С. 260.
22. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Хэ Чуаньци, главн. /Пер.с англ.под общей редакцией Н.И. Лапина /Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 256 с.
23. Свищев М.П. Миссионерская деятельность в контексте геополитики. – М., 1999. – 120 с.

24. Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск-Хэйхэ // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 5. С. 130-144.

25. Стародубцева К.А. Туристический имидж Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР // Имидж страны/региона как стратегия интеграции России и АТР в XXI веке: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв.ред.Кузьмин А.В. – Улан-Удэ, изд.: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2010. – С.122-126

26. Сухарев Д.В. Содержание понятия «экономическая модернизация» в работах российских, западных и китайских ученых / Борисенко О.А., Сухарев Д.В., Фомина М.Н. // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 1 (52). С. 54-61.

27. Чжан Фань, Фомина М.Н. Китайское религиоведение о православии в современном Китае. – М.: Издательский Дом Академии Естествознания, 2015 с.89

28. Чжоу Юй. Социокультурные факторы формирования приграничного пространства КНР // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 685.

Иностранные источники

29. Borisenko O.A, Fomina M.N. Globalizing culture as the essence and the phenomenon of globalization / Social Science and Humanity #3 2016 // The collection includes the 5th The International Conference «Social Science and Humanity» by SCIEURO in London, 23-29 September 2016. - С.294-295

30. Даго цэ: тунсян даго чжи лудэ жуаньшили = Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу / Под ред. Мэнлян. Бэйцзин: женьминь жибао чубаньшэ, 2008. 345 с.

31. Лиу Сичжун. Цун цюйюй дао синьцюйюй: сетяо фачжань дэ модай яньбянь // Куацюйюй ченшифачжань дэ сетяо юй ели цзичжи = От регионализма к новому регионализму: современная эволюция согласованного развития // Механизмы межрегиональной координации городских агломераций [Электронный ресурс] // Наньцзин шэхуэй кэсюе. 2014. Т. 5 С. 70-76. Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-4804432594806.html> (дата обращения: 10.03.2017). Кит. яз.

32. Лиу Сичжун. Цзян су шеен шэхуэй цзицзинь сяньму «Вого синьсин ченши хуа даолу яньцзиу» = Научный проект Отделения провинции Цзянсу Фонда общественных наук "Исследование новой урбанизации Китая" // National Social Science Data Base. Режим доступа: <http://www.nssd.org/articles/articlesearch.aspx> (дата обращения: 29.05.2017). Кит.яз.

33. Направления стратегического планирования в контексте модернизации: политика инновационного развития, наука, образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=32df29e3-3402-4a24-aba8-6f4aad557759>. – Модернизация России: ключевые проблемы и решения» (Дата обращения 27.12.2017).

34. Синь Чуйюй Чжуи = Новый регионализм / под ред. Лиу Сичжун / Наньцзин: Чжунгуо Ганьбу Сюес, 2014 [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-4804432594806.html> (обращение 10.05.2017) на кит. Яз.

35. Ху Хуйлин. Доклад по безопасности китайской национальной культуры. Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ, 2005. 333 с.

36. Чэнгуй Л. Чжунси вэньхуа чжи хуэйтун = Отношения между китайской и западной культурами /Чэнгуй // Цзянси Наньчан: Цзянси жэньминь чубаньшэ, 1997. – 272 с.

37. Цао Гуанхань. Шицзи цзинцзи цюаньцюхуа хэ шойюй. – Тихуа тяоцзянься цзятян чжун э цюйюй син хэцзо = Об усилении регионального сотрудничества Китая и России в условиях глобализации и региональной интеграции // XXI шицзи чжун э хэцзо чжаньван. – Харбин, 2001. – С.44-45

38. China's cultural security lies in openness and exchanges http://news.xinhuanet.com/english2010/indepth/2011-10/27/c_131215084.htm Англ.яз.

39. Jiang Fengyan,& Wu Shuxia. (2011). The crisis of Chinese culture security in times of globalization. People'sTribune, 14, 2007.

40. Jiabao, Wen, “Chinese premier calls for respect of civilizations, vows to stick to reform, opening up”, 7 December 2005 at http://english.people.com.cn/200512/07/eng20051207_226104.html, accessed on 26 September 2013.

41. Rong Chang Zhao “ZhongGuoxuyaoruanshi li” (China needs soft power), Liao Wang Xin Wen Zhou Kan, 7 June 2004

42. “When Soft Power is too soft: Confucius Institutes’ nebulous role in China’s Soft Power initiative”, August 2012 at <http://yris.yira.org/essays/644>, accessed on 27 November 2013

43. XiaoAnlu. (2007). The import of oversea cultural products and the security of Chinese culture. Gansu Theory Research, 1, 25.

Электронный ресурс

44. Афонцев Сергей. Новый регионализм <https://postnauka.ru/longreads/26527> (дата обращения 24.04.2017)

45. Флиер А.Я. Три культурные стратегии межнациональных коммуникаций в полиэтническом обществе // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 4 URL: <file:///C:/Users/user/Desktop/Теория%20культуры/Флиер.%20Три%20культурные%20стратегии.pdf>.
46. Чжан Гоцзо Гоцзянь пинпай цзятян сетун шэньхуа хэ точжань гоцзя вэньхуа жуаньшили яньцзиу = Создавать платформу для интенсификации и расширения исследований мягкой силы культуры КНР. URL: <http://www.gdsisp.org/a/ruanshiliyanjiu/guojiaruanshili/20160325/275.html> (дата обращения: 21.07.2017).
47. Ху Яньли. Концепция китайской культуры в контексте глобализации //Общество: философия, история, культура. № 3, 2016 – Краснодар, издательский дом «ХОРС», 2016 – http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2016/3/culture/hu.pdf
48. Э го вэньхуа юй чжунго вэньхуа де = Разница между российской и китайской культурой. URL: [электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-1106913631...html> 2012-11-15